

Разбирая архив родителей

Все эти легенды и были
не стоило и ворошить...
Вы что-то не договорили,
мы что-то забыли спросить.
Остались обмолвки, догадки,
не выигранные бои...
Зачем вы ушли без оглядки
на прошлые жизни свои?
Оттуда не будет возврата
и памяти нет никакой
о том, что мы жили когда-то
за той недоступной чертой,
где только лишь тени да блики...
Но может, единственный раз
в ряду бесконечно великих
найдется местечко для нас,
где станем честны и отважны,
и выговоримся сполна...
Где все мы очнемся однажды
от равного вечности сна.

Елабужские стансы

Татьяне Вольтской

Сказал бы: здесь жить бы и жить не спеша;
здесь равно в почете хозяин и гость.
Когда бы не место, где стынет душа,
Где наши реликвии: балка да гвоздь.

Кузнец был — что надо: ковал, так ковал!
Остыло горнило, поковка черна...
Здесь жизнь основательна, я бы сказал,
когда бы не знал, как она непрочна.

Холодный на нас надвигается май.
А в августе знойном, что вспомнится нам?..
Сказал бы: вот теплый бревенчатый рай,
когда бы не смерть, что идет по пятам.

* * *

...а я просто рассказываю истории —
не о царе Горохе, не о Стефане Батории,
не о правых-неправых, первых-последних...
Я всего лишь рассказчик, сиречь, посредник
между тем, что в конце и тем, что в начале...
О любви говорю, о её печали;
о самом себе, о тех, кто рядом —
стерегущих дом и взыскующих града...
Так и буду бубнить, пока не скукожится,
не прорвется жизни тонкая кожа,
пока не уйду в небесную глубину
и в ней утону.

* * *

«Это интересно, но поэту знать необязательно»

Блок — Гумилеву

Он читает и Проппа и Бахтина,
Барт ему сводный брат и Делёз ему друг.
Он с прищуром значительным смотрит на
меня и печалится: «Вот ведь недуг!
Я тебе объясню сейчас, кто ты таков.
Ты хоть сам понимаешь, зачем и о чём?..»
С пожирателем слов, толкователем снов
я сижу на скамейке в саду. Водку пьём.

Ладно, критик мой строгий, мой ментор косой.
не тебе меня стихосложенью учить.
Я так слышу, и баста! И что-то порой
в гуле времени нашего смог различить.

А кому это всё, для кого и зачем —
невдомёк. И кончай ты свою лабуду...
Водка выпита, братец, и пьян ты совсем.
Ну, пошли, я до дома тебя доведу.

К Нике

Что, отцеубийца, пора отдохнуть тебе, право,
от пыла сражений, от грозной заботы старинной.
А ты все паришь, награждая почетом и славой
не павших, но падших и падких до крови невинной.

Какого ты монстра теперь привечаешь? Взгляни-ка,
на этого... этого... Ну и чего в нем нашла ты?
Тебе ли, дочь страха и мрака, крылатая Ника,
тебе ли не знать, чем любые победы чреватые?

Вот он — победитель — в пурпурной по случаю тоге:
лавровый венок и в усмешке надменные губы...
Тактический гений! И что он оставит в итоге:
поруганный мир, мертвый город, и трупы, и трупы...

История с правдой не дружит. История служит
любому прохвосту, что празднует нынче победу.
Сегодня — герой. Завтра — проклят, забыт и засужен.
И кто его вспомнит, навек погруженного в Лету?

Солдат неудачи

Какой же ты бравый — с измазанным сажей
лицом, в серо-буром своем камуфляже,
увешанный амуницией злой!..
Куда ты, зачем ты, солдат неудачи
шагаешь? Никто по тебе не заплачет.
Тебе никогда не вернуться домой.

Кто прав, кто неправ в мясорубке кровавой,
тебе всё равно. Не за воинской славой
ты вышел в смертельный поход.
Ты скажешь: да ладно, такая работа,
работа и всё... Пополнение счета.
Но счет лишь на жизни идёт.

Кому эта быль, для кого эта небыль?..
Над головою картонное небо —
из «калаша» пробитая твердь;
сыплет в прорехи вонючее нечто...
И где же тебе, мой обманутый, лечь-то
последний свой сон досмотреть?

Суть дела

Ну, что, герой, намаял горя?
Куда безгрешность занесла —
в какой всесветный лепрозорий,
где прокаженным несть числа?

Когда от жалости сгорая,
влетаешь в этот карантин,
вся жизнь исчерпана до края,
и выход из нее один.

Слетятся грифы к дому скорби,
по звонкой крыше жестяной
пробарабанят: бедный Скоби,
прощай навеки. Бог с тобой.

Памяти Михаила Яснова

Сгребу, как опавшие листья, в охапку
все слова этой осени, окоченевшие на ветру,
принесу в дом —
пусть отогреются, поживут еще в нём.
А сам — умру.

Слова дневные и слова ночные,
слова гневные и слова нежные,
слова горькие и слова веселые,
слова низкие и слова высокие.
Все слова, собранные на юру,
принесу в дом
и умру.

Слова написанные и произнесенные,
слова прочитанные и услышанные,
слова забытые и обретенные,
слова первые и слова последние...
Все слова собираю, все — какие ни есть,
принесу в дом...

Они не больше, чем жизнь,
но сильнее, чем смерть.